

УДК 24+115

БУДДИЙСКИЕ МЕТАФОРЫ БУДУЩЕГО: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ ФУТУРОЛОГИИ

Воробьёв Валерий Владимирович

кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова,
Элиста, Российская Федерация,
E-mail: aristoteleus@yandex.com

А н н о т а ц и я

Статья посвящена философскому анализу буддийских метафор будущего в контексте глобалистики и футурологии. Буддийская традиция формирует особый корпус образов — поток, мгновение, колесо сансары, пустота, поле кармы, Будда Майтрея, — которые задают нелинейное и множественное видение времени. Эти образы представляют собой когнитивные модели, позволяющие рассматривать будущее не как линейную данность, а как поле возможностей и этически нагруженных сценариев. Методологическую основу исследования составили теория концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон), герменевтический подход П. Рикёра и компаративный анализ буддийских идей в сопоставлении с западной философией времени и современными глобалистскими моделями (Э. Блох, Х. Йонас, И. Пригожин, доклады Римского клуба). В данном контексте рассмотрение буддийских метафор будущего позволяет выявить особенности евразийского кочевого миропонимания, в котором временные и космологические представления тесно связаны с идеей непрерывного движения, цикличности и взаимозависимости всего сущего. В результате систематизации выявлено, что буддийские образы времени и будущего обладают значительным эвристическим потенциалом: они позволяют расширить горизонты футурологии за пределы линейных сценариев, показать включенность этического измерения в прогнозирование, воспринимать будущее как практику, а не только как предсказание, и учитывать космологические масштабы человеческого бытия. Таким образом, буддийские метафоры будущего могут служить когнитивным инструментом философского осмысления и проектирования будущего в условиях глобальной межкультурной перспективы.

К л ю ч е в ы е с л о в а

Буддизм, метафора, будущее, глобальные процессы, футурология, сознание, карма, взаимозависимость.

UDC 24+115

BUDDHIST METAPHORS OF THE FUTURE: PHILOSOPHICAL ANALYSIS IN THE CONTEXT OF FUTUROLOGY

Valery V. Vorobyev

Ph.D., senior research scientist,

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

E-mail: aristoteleus@yandex.com

Abstract

This article is devoted to a philosophical analysis of Buddhist metaphors of the future in the context of global studies and futurology. The Buddhist tradition forms a special corpus of images — the flow, the moment, the wheel of samsara, emptiness, the field of karma, Buddha Maitreya — which set a nonlinear and multiple vision of time. These images are cognitive models that allow us to view the future not as a linear given, but as a field of possibilities and ethically charged scenarios. The methodological basis of the study was formed by the theory of conceptual metaphor (G. Lakoff, M. Johnson), P. Ricoeur's hermeneutic approach, and a comparative analysis of Buddhist ideas in contrast to Western philosophy of time and contemporary globalist models (E. Bloch, H. Jonas, I. Prigogine, reports of the Club of Rome). The consideration of Buddhist metaphors of the future also makes it possible to reveal the features of the Eurasian nomadic worldview, in which temporal and cosmological concepts are closely connected with the idea of continuous movement, cyclicity, and the interdependence of all existence. The study demonstrates that Buddhist images of time and the future have considerable heuristic potential: they broaden futurology beyond linear scenarios, show the inclusion of ethical considerations in forecasting, conceptualize the future as practice rather than mere prediction, and account for cosmological time scales of human existence. Thus, Buddhist metaphors of the future can serve as cognitive tools for philosophical reflection and future-oriented design in the context of a global intercultural perspective.

Key words

Buddhism, metaphor, future, futurology, global processes, consciousness, karma, interdependence.

ВВЕДЕНИЕ

Современные футурологические исследования развиваются преимущественно в русле сценарного прогнозирования, моделирования рисков и разработки утопических или эсхатологических сценариев. Однако в них сохраняется явная доминанция западноцентричных категорий времени и будущего, опирающихся на линейность, поступательность и идею прогресса. В западной философии времени существуют различные подходы к пониманию будущего. Так, Августин подчёркивал субъективность времени и выделял «настоящее будущего» (Августин, 2013: 187) как ожидание. Э. Гуссерль и М. Хайдеггер исследовали временность как структуру сознания и экзистенциального бытия (Гуссерль, 1994; Хайдеггер, 2006). Э. Блох в «Принципе надежды» настаивал на утопической открытости будущего (Блох, 1991). И. Пригожин в работе «От существующего к возникающему» показал, что сама физика требует осмысления будущего через категории неопределённости и необратимости. По мнению Пригожина, «время как необратимость более не отделяет нас от природы. Наоборот, второе начало термодинамики выражает нашу принадлежность к непрестанно эволюционирующей Вселенной» (Пригожин, 2016: 7). В футурологии же внимание сосредотачивалось на сценарных моделях (Schwartz, 1991) и системных прогнозах (Meadows, 1972).

Между тем в условиях глобального полицентричного мира всё более востребованными становятся культурно-альтернативные концептуализации будущего, способные предложить новые эвристические ресурсы. Как пишет А.Н. Чумаков: «Другой язык — это не только новые средства коммуникации, например, Интернет, электронная почта, спутниковое телевидение, мобильный телефон и т.п., но и приведенные в соответствие с глобальными изменениями мораль, этика, право. А это означает, что требуется другая терминология, предполагающая переосмысление прежних ценностей и восприятие абсолютным большинством мирового сообщества тех из них, которые будут адекватны новым реалиям» (Чумаков, 2018: 21).

Одной из таких альтернативных традиций понимания времени и будущего является буддизм, который одновременно является неотъемлемой частью духовной культуры народов Российской Федерации — калмыков, бурят и тувинцев. Для данных этносов буддизм представляет собой живую основу мировоззрения, тесно связанную с историческим опытом кочевого образа жизни и циклическим восприятием времени. Поэтому обращение к буддийской традиции понимания времени и будущего приобретает не только философскую, но и культурно-идентификационную значимость — оно позволяет актуализировать внутренние ресурсы евразийской цивилизационной памяти и включить их в глобальный дискурс о будущем.

Таким образом, обращение нас к буддийской традиции понимания времени и будущего вполне логично. Дело в том, что буддийская философия утверждает иллюзорность времени: дхармы не обладают длительностью, и то, что воспринимается как «протяжённость», есть лишь иллюзия, порождённая умом. «В закономерном возникшем споре с брахманами о том, почему мы воспринимаем время как длительность, находя в нём прошлое, настоящее и будущее, буддисты утверждали, что подобное есть результат деятельности ума-манаса, опирающегося в очередном восприятии на память о прошлом, в результате чего нам кажется, что настоящее связано с

прошлым непосредственно и неразрывно, когда в действительности прошлого тотально не существует, разве что в качестве фантома нашего ума» (Воробьёв, 2021: 140). Учение кшаникавады также показывает, что будущее не имеет устойчивой сущности и может мыслиться лишь через образы мгновенности и смены состояний. «Реальностью является мгновенное существование дхарм» (Бережной, 2011: 131). Нагарджуна, развивая концепцию шуньяты, еще более радикализирует эту мысль: будущее не существует «само по себе», но лишь в зависимости от прошлого и настоящего.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы выявить, классифицировать и интерпретировать буддийские метафоры будущего, показав их эвристический потенциал для философской футурологии. Они же являются непосредственным предметом исследования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методологическая основа исследования строится на междисциплинарном подходе, объединяющем когнитивную лингвистику, герменевтику, компаративную философию и футурологию. Такой синтез позволяет не ограничиваться филологическим анализом текстов, а рассматривать метафору как когнитивный и эвристический инструмент.

Отправной точкой выступает теория когнитивной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которой метафора является не языковым украшением, а способом концептуализации опыта. «Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний — когнитивной структуры источника (source domain) и когнитивной структуры цели (target domain). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит «метафорическая проекция» (metaphorical mapping) или «когнитивное отображение» (cognitive mapping)» (Лакофф, Дж. 2004: 9). Например, такие традиционные концептуальные метафоры, как «Время — деньги» или «Жизнь — это путешествие», демонстрируют перенос из сферы физического опыта в сферу абстрактного мышления. Анализ буддийских метафор будущего предполагает выявление именно таких переносов: от образов «потока», «пустоты» или «колеса Сансары» к философскому осмыслению будущего.

Теория концептуальной метафоры (Лакофф, 2004), показывает, что метафора — это не просто стилистический приём, но фундаментальная когнитивная структура, укоренённая в сознании. Метафоры формируют способ восприятия и действия, а значит, изучение буддийских метафор будущего открывает доступ к альтернативным когнитивным схемам, которые могут обогатить современную философскую футурологию.

Эволюция представлений о метафоре в философии и гуманитарных науках демонстрирует переход от риторической традиции, где метафора понималась как украшение речи, к когнитивной, где она трактуется как способ организации опыта. Сегодня метафора перестала быть объектом исследования исключительно филологии. Центр изучения метафоры постепенно смещается в те области знания, которые обращены к мышлению и познанию. Поль Рикёр, развивая герменевтический

подход, указывает, что метафора не только обозначает, но и создаёт «новый смысл», открывающий доступ к новой реальности. «Метафора, поскольку она служит поэтической функции, является той стратегией дискурса, посредством которой язык избавляется от функции прямого описания и поднимается на «мифический» уровень, где высвобождается его функция открытия» (Рикёр, 2014: 208).

ОБСУЖДЕНИЕ

Несмотря на значительный прогресс в исследовании метафоры времени, можно констатировать, что тема метафор будущего как эвристического инструмента остаётся недостаточно освещённой. Особенно это касается буддийской традиции, где метафоры времени и будущего играют системообразующую роль, но редко интерпретируются в сопоставлении с футурологическим дискурсом.

Буддийские тексты требуют интерпретации, учитывающей их культурно-религиозный и философский контекст. Использование герменевтической методологии позволяет рассматривать метафору как «создание нового смысла», выходящего за пределы буквальной референции (Рикёр, 2014). В работе с источниками акцентируется внимание на том, каким образом метафоры формируют горизонты понимания будущего в буддийской традиции.

Для выявления эвристического потенциала буддийских метафор будущего применяется метод сравнительного анализа: буддийские концепты (кшана, шуньята, карма, колесо сансары) сопоставляются с западными философскими представлениями о времени и будущем (Августин, Гуссерль, Хайдеггер, Блох, Пригожин, Медоуз). Такое сопоставление позволяет обнаружить как структурные параллели, так и принципиальные различия.

Буддийская мысль представляет собой уникальный корпус метафор будущего, где ключевые образы («поток», «мгновение», «колесо сансары», «карма», «пустота», «взаимозависимость», «Будда Майтрея») задают не только особое понимание времени, но и этико-экзистенциальное измерение будущего. Эти образы формируют иное «когнитивное картирование», в котором будущее не мыслится как заранее заданный линейный сценарий, но раскрывается как множественное, неопределённое и неотделимое от настоящих действий субъекта.

Обращение к буддийским метафорам будущего является актуальным по двум причинам: во-первых, оно восполняет пробел в межкультурных исследованиях футурологии; во-вторых, оно позволяет выявить новые эвристические ресурсы для философии будущего.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ буддийской традиции показывает, что именно метафора оказывается главным средством фиксации и выражения будущего. «Когнитивный поворот — это принципиально новая эпистемологическая стратегия, в рамках которой метафора выполняет функцию смыслообразующего центра, источника креативности и органичного элемента научного дискурса» (Пятунина, 2021: 128). Если согласиться с общей установкой современной когнитивной науки, что метафора — это не украшение речи, а способ мышления, то буддийские образы становятся своеобразными

когнитивными картами, при помощи которых мыслитель или практик ориентируется в темпоральной перспективе. В то же русло вписывается и позиция П. Рикёра: метафора не только «говорит» о чем-то, но и создает новую реальность смысла, выводя нас за пределы привычных категорий (Рикёр, 2014).

Одним из центральных образов будущего в буддизме является метафора потока (*santāna*). Здесь будущее не фиксируется как некий готовый объект, который можно «увидеть» или предсказать, но мыслится как продолжение процесса, как становление. Этот образ, закрепленный в тексте Абхидхармы у Васубандху (Васубандху, 2001), подчеркивает, что будущее неразрывно связано с непрерывным разворачиванием сознания. Если сравнивать данную концепцию с «длительностью» у Анри Бергсона (Бергсон, 1998), то можно сделать вывод, что обе традиции стремятся схватить неразрывность становления, но разница в том, что Бергсон делает акцент на витальном порыве, тогда как буддизм — на потоке мгновенно возникающих и исчезающих дхарм. Для футурологии эта метафора ценна тем, что заставляет мыслить будущее не как точку на линии времени, а как сегмент непрерывного процесса, где важно видеть не отдельный прогноз, а траекторию движения.

Другая ключевая метафора связана с учением кшаникавады — учения о мгновенности бытия. Как показывает С. Бережной, в ранней буддийской философии именно мгновение (кшана) становится основной категорией описания реальности (Бережной, 2011а). Будущее в таком контексте мыслится как потенциальность следующего мгновения: оно не существует само по себе, а лишь возникает в цепи прерывающихся событий. Если феноменология Гуссерля и Хайдеггера выводит время из структур сознания, то буддизм радикализирует эту позицию, утверждая, что даже сознание — это поток мгновенно возникающих и исчезающих состояний. В футурологии метафора «мгновения» может служить важным инструментом, когда речь идет о моделях краткосрочных решений, «окон возможностей», где будущее определяется серией локальных актов, а не долгосрочной траекторией.

Классическим образом становится и колесо сансары (*bhavasakra*) (Лысенко, 2009). Будущее здесь мыслится не как движение вперед, а как повторение, вращение по кругу. Этот образ восходит к индийской иконографии и сутрам, где перерождения изображаются в виде круговорота. Его можно сопоставить с концепциями цивилизационных циклов Шпенглера или Тойнби (Корневский, 2014), но важно понимать, что в буддизме это не столько историческая схема, сколько антропологическая метафора: будущее индивида или сообщества — это повторение определённых паттернов обусловленности. Для футурологии этот образ ценен тем, что позволяет осмысливать рекуррентные процессы: повторяющиеся циклы кризисов, долгов, технологических волн.

Интересен и образ следа (*vāsanā*) (Лысенко, 2011а), разработанный в йогачаре. Будущее здесь понимается как результат «отпечатков», которые оставляют прошлые поступки и переживания в сознании — «васаны» формируют структуру опыта и предопределяют будущие акты (Митруев, 2018). Подобную идею можно обнаружить в т.н. социологии памяти Хальбвакса: так же, как коллективная память задаёт рамки возможного будущего общества, так и «следы» формируют горизонты будущего индивида. «Итак, согласно Хальбваксу, воспоминания человека определяются не только непосредственно прожитым, не являются вновь и вновь разыгрывающимися

на подмостках солипсистского театра представлениями, напротив, деятельность памяти детерминирована обществом и является интерсубъективным феноменом» (Сабанчеев, 2014: 130). Для футурологии это важный эвристический ресурс, позволяющий мыслить будущее как путь-зависимый процесс, где новые сценарии вырастают на основе прошлых практик и институтов.

Особое значение имеют онтологические метафоры. Прежде всего, это метафора пустоты (*śūnyatā*). Нагарджуна показывает, что будущее не имеет собственной сущности: оно не существует «само по себе», а проявляется только во взаимозависимости с другими моментами времени (Воробьёв, 2021). Это можно сопоставить с идеями «открытого будущего» у И. Пригожина (2016), который показывает, что процессы необратимы и не могут быть сведены к единственной траектории. Однако различие принципиально: для Пригожина это свойство физических систем, а для Нагарджуны — онтологическая характеристика самого бытия. Для футурологии эта метафора открывает возможность моделирования будущего как пространства множества вариантов, а не как фиксированную линию.

К этой же группе относится метафора зависимого возникновения (*pratītyasamutpāda*) (Бережной, 2011б). Будущее мыслится как сеть причин и условий: нет единой траектории, есть совокупность конфигураций, которые могут сложиться или не сложиться. Этот образ напрямую резонирует с системным мышлением XX века — достаточно вспомнить работы Д. Медоуза и его коллег по «Пределам роста» (2007), где будущее описывается через систему взаимозависимостей. Но если системная динамика — это научная модель, то буддийская метафора укоренена в практической онтологии, где зависимость имеет не только объяснительный, но и освобождающий смысл. Эвристически это ценно для футурологии тем, что позволяет переходить от линейных прогнозов к условным сценариям типа «если–то», что особенно важно в условиях неопределённости.

Буддийские тексты часто уподобляют будущее сну, миражу или иллюзии. В «Алмазной сутре» (Торчинов, 1986) все феномены будущего описываются как подобные сновидению или отражению. Это не просто поэтическая фигура, а методологическая установка: нельзя отождествлять образы будущего с его реальностью. Здесь можно обнаружить сходство с концепцией «текущей современности» Баумана, где будущее предстаёт как постоянно ускользающее, зыбкое. «Образ общества, начавшего свой исторический путь в эпоху Нового времени, — уже не глыба, вкопанная в землю, но «машина на колесах», мчащаяся в будущее с постоянно возрастающими темпами и скоростями» (Островская, 2016: 91). Но если у Баумана это диагноз позднего модерна, то у буддизма это перманентная онтологическая характеристика.

Будущее в буддизме описывается и как путь (*mārga*) (Лысенко, 2011б), который должен обеспечить новое состояние того, кто по нему идёт. Четыре благородные истины и Восьмеричный путь задают структуру, где будущее не «случается», а выстраивается через практику. Метафорой Восьмеричного пути является т.н. Дхармачакра с восьмью спицами, что символизирует целостность и гармонию, которая образуется из элементов этого пути — правильное воззрение, намерение, речь, действие, образ жизни, усилие, осознанность и сосредоточение. Для футурологии это важно тем, что будущее предстает не как объект предсказания, а как поле действия, которое требует стратегического планирования.

С этим связан и образ Будды: Будда — это не только историческая фигура, но и символ будущего состояния сознания. Этот образ можно сопоставить с современными концепциями «человека будущего» или по-другому «неочеловека» (Дыдров, 2014), но принципиальное отличие в том, что буддийская перспектива не связана с усилением когнитивных или физических возможностей (хотя это не отрицается), а с этической и духовной трансформацией. В буддийских текстах отмечается, что деградация мира происходит в, прежде всего, в силу духовно-нравственной деградации людей (Уланов, Андреева, 2025). Для футурологии это открывает возможность мыслить будущее человека не только через призму технологий, но и через призму разработки эффективных технологий естественного изменения качеств сознания.

Космологические метафоры добавляют перспективу сверхдлинных горизонтов. Образ кальпы показывает будущее в масштабах эонов, что сближает его с макро-историческими моделями. Образ шести миров перерождений описывает будущее как множественность сценариев, которые соотносятся с этическим измерением — страданием или освобождением. Наконец, образ Будды Майтреи (Иванова, 2014) воплощает коллективное ожидание грядущего обновления, аналогичное утопическим образам будущего в западной культуре.

Проведённая систематизация буддийских метафор будущего позволяет перейти к поиску ответа на вопрос: каким образом эти образы могут быть включены в современную философскую и футурологическую рефлексию? Здесь важно подчеркнуть, что цель сравнения с западными теориями не может состоять в поиске простых аналогий. Речь идёт о выявлении того эвристического потенциала, который буддийские метафоры вносят в междисциплинарный дискурс о будущем.

Большинство западных футурологических концепций наследует линейную модель времени, укоренённую ещё в библейской и авраамической традиции: от сотворения к концу, от настоящего к будущему как к завершению. Буддийские метафоры, напротив, размыкают линейность, представляя будущее как сеть мгновений, поток без фиксированной точки завершения, циклическое вращение или обусловленную возможность.

В этом отношении сопоставление с феноменологией времени (Гуссерль, Хайдеггер) оказывается продуктивным, но неполным. Феноменология действительно показывает, что будущее не «дано» как вещь, а структурируется в опыте ожидания. Однако буддийские образы идут дальше, утверждая, что и само ожидание — это неустойчивый феномен, возникающий в цепи мгновений.

Особое значение буддийские метафоры приобретают в этическом измерении. В западной футурологии XX века идея ответственности за будущее получила развитие у Ханса Йонаса. Его «Принцип ответственности» (Йонас, 2004) ставит вопрос: можем ли мы отвечать перед грядущими поколениями? Но буддийское представление о карме показывает, что ответственность не является лишь внешним моральным долгом — она встроена в саму структуру бытия. Каждое действие, мысль или слово оставляют «семена», которые в будущем обязательно дадут ростки.

Эвристическая ценность этой установки для футурологии состоит в том, что она наводит на важность идеи учёта морального измерения в сценарном планировании. Будущее перестаёт быть чисто техническим проектом: оно всегда «нагружено»

результатами действий настоящего. Такой подход может служить методологическим основанием для этических рамок в технологиях искусственного интеллекта, биотехнологиях и климатической политике.

Важным вкладом буддийских метафор является расширение горизонта времени до космологических масштабов. Образы калып, эонов и Будды Майтреи позволяют взглянуть на будущее не только в пределах ближайших десятилетий или веков, но и в тысячелетних перспективах. При этом важно отметить, что космологическое будущее не сводится к физической или астрономической проекции. Ожидание Майтреи — это не только пророчество, но и образ коллективной надежды, мобилизующий к практикам здесь и сейчас. Для футурологии этот момент чрезвычайно важен, поскольку образы «большого будущего» способны работать как притягательные идеалы, организующие социальные действия.

Буддийские метафоры будущего позволяют расширить сам горизонт футурологии, вывести её за рамки западноцентричных моделей. Это не означает отказ от них — напротив, сопоставление с концепциями Блоха, Пригожина, Йонаса, Медоуза показывает плодотворность диалога.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Буддийские метафоры будущего образуют целостное поле смыслов, в котором переплетаются временные, онтологические, этические и космологические измерения. В отличие от линейных моделей, доминирующих в западной традиции, они предлагают иные способы мыслить о будущем: как о потоке или мгновении, как об условном и хрупком феномене, как о пространстве нравственных следствий, как о горизонте космологических циклов. Эти образы не просто иллюстративны, но выполняют когнитивную функцию, формируя способы иные концептуализации и действия.

Эвристический потенциал буддийских метафор заключается, прежде всего, в том, что они расширяют рамки современного футурологического дискурса. Образ потока учит видеть будущее как часть непрерывного процесса, а не как изолированный момент; кшаникавада подталкивает к мысли о будущем как о ряде локальных возможностей; колесо Сансары напоминает о повторяемости и возврате сценариев; метафоры пустоты и зависимого возникновения заставляют учитывать множественные условия и конфигурации факторов. В свою очередь, концепция кармы и образ пути возвращают в футурологию этическое измерение, без которого моделирование будущего остаётся абстрактным. Космологические образы калып и Майтреи расширяют горизонты до масштабов тысячелетий, показывая, что будущее человечества нельзя мыслить только в пределах ближайших политических или экономических циклов.

Таким образом, обращение к буддийским метафорам будущего позволяет не только глубже понять саму буддийскую традицию, но и обогатить современную философскую футурологию. Буддийские образы времени и будущего могут стать важным когнитивным и эвристическим ресурсом для построения сценариев, которые учитывают не только динамику процессов, но и этические, культурные и космологические измерения человеческого бытия.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ 075-03-2025-420/6 «Комплексное философское исследование феномена будущего в традиционной буддийской картине мира»).

Литература

- Бергсон, А. (1998). *Творческая эволюция*. Москва: Кучково поле: Канон-пресс.
- Бережной, С. Б. (2011а) Кшаникавада: учение ранней буддийской философии о мгновенности бытия. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 9 (226). 130–134.
- Бережной, С. Б. (2011б) Учение о взаимозависимом возникновении в буддийской философии. *Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика*. 11. 2. 13–18.
- Блаженный, Августин. (2013). *Исповедь*. Пер. М.Е. Сергеенко. СПб.: Наука.
- Блох, Э. (1991). *Принцип надежды*. Москва: Республика.
- Ваджрачхедака праджняпарамита-сутра. Алмазная Сутра. (1986) Пер. Е.А. Торчинова. «Психологические аспекты буддизма». Новосибирск: Наука. 34–45.
- Воробьев, В.В. (2021). Темпоральная структура сознания в буддизме и феноменологии. *Вестник Калмыцкого университета*. 3 (51). 134–141.
- Васубандху. (2001). *Энциклопедия Абхидхармы или Абхидхармакоша. Т. 2. Раздел 3: Локанирдеша, или Учение о мире; Раздел IV: Карманирдеша, или Учение о карме*. Пер. с санскр., введ., коммент. и реконстр. системы Е. П. Островской и В. И. Рудого. Москва: Ладомир.
- Гуссерль, Э. (1994). *Собрание сочинений. Том I. Феноменология внутреннего сознания времени*. Перевод, с нем, предисловие В. И. Молчанова. Москва: Издательство «Гнозис», РИГ «ЛОГОС».
- Дыдров, А. А. (2014). Человек будущего в трансгуманизме: семиотический анализ концепции о неочеловеке. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2. 81–84.
- Иванова, А. С. (2017). Эсхатологическое содержание образов Калки и Будды Майтреи: компаративный анализ. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия: Богословие. Философия. Религиоведение*. 72. 89–102.
- Йонас, Г. (2004). *Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации: Наука как персональный опыт*. Москва: Айрис-пресс.
- Корневский, А.В. (2014). Эволюция «цивилизационной парадигмы» в трудах Шпенглера, Тойнби, Хантингтона: тезис, антитезис, синтез. *Научная мысль Кавказа*. 3 (79). 35–44.
- Лакофф, Дж., Джонсон М. (2004). *Метафоры, которыми мы живём*. Москва: Едиториал УРСС.
- Лысенко, В.Г. (2009). Бхавачакра. *Индийская философия: Энциклопедия*. М.: Восточная литература. 183–184.
- Лысенко, В.Г. (2011а). Васана. *Философия буддизма: Энциклопедия*. Москва: Восточная литература. 201–202.
- Лысенко, В. Г. (2011б). Восьмеричный путь. *Философия буддизма: энциклопедия*. М.: Вост. лит. 228–229.

- Медоуз, Д., Рандерс, Й., Медоуз, Д. (2007) *Пределы роста. 30 лет спустя*. Москва: ИКЦ «Академкнига».
- Митруев, Б. Л. (2018). «Йогачарабхумишастра» как историко-философский источник. *История философии*. 23. 2. 32-43.
- Островская, Т. А. (2016). Концепция «Текущей современности» З. Баумана и модификация дискурсивных практик элиты. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение*. 4. 89–94
- Пятунина, А.А. (2021). О когнитивном потенциале метафоры в научном дискурсе. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*. 3. 120–129.
- Пригожин, И. (2016). *От существующего к возникающему: время и сложность в физических науках*. Москва: Изд. Едиториал УРСС.
- Рикёр, П., Станжевский Ф., Вдовина Г. (2014) Живая метафора. Восьмой очерк. Метафора и философский дискурс (продолжение). *HORIZON. Феноменологические исследования*. 3 (1). 207–228.
- Сабанчиев, Р.Ю. (2014). Память как культурно-исторический феномен в работах Мориса Хальбвакса. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2(28). 127-132.
- Уланов, М. С., Андреева А. А. (2025). Буддийская культура и проблемы экологии. *Век глобализации*. 1(53). 129-138.
- Хайдеггер, М. (2006). *Бытие и Время*. СПб.: Наука.
- Чумаков, А. Н. (2018). *Глобальный мир: столкновение интересов*. Москва: Проспект.
- Meadows, D. H., Meadows D. L., Randers J., Behrens W. (1972) *The Limits to Growth*. New York: Universe Books.
- Schwartz, P. (1991) *The Art of the Long View: Planning for the Future in an Uncertain World*. New York: Currency Doubleday.

REFERENCES

- Bergson, A. (1998). *Tvorcheskaya evolyutsiya* [Creative evolution]. Moscow: Kuchkovo pole; Kanon-press (in Russian).
- Berezhnoi, S. B. (2011). Kshanikavada: Uchenie ranney buddiyskoy filosofii o mgnovennosti bytiya [Kshanikavada: The doctrine of momentariness in early Buddhist philosophy]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, 9(226), 130–134 (in Russian).
- Berezhnoi, S. B. (2011). Uchenie o vzaimozavisimom vzniknovenii v buddiyskoy filosofii [The doctrine of dependent origination in Buddhist philosophy]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 11(2), 13–18 (in Russian).
- Blazhennyi Avgustin. (2013). *Ispoved'* [Confessions] (M. E. Sergeenko, Trans.). St. Petersburg: Nauka (in Russian).
- Bloch, E. (1991). *Printsip nadezhdy* [The principle of hope] (Vol. 1). Moscow: Respublika (in Russian).
- Chumakov, A. N. (2018). *Global'nyy mir: Stolknoenie interesov* [The global world: Clash of interests]. Moscow: Prospekt (in Russian).
- Dydov, A. A. (2014). Chelovek budushchego v transgumanizme: Semioticheskiy analiz kontseptsii o neocheloveke [The man of the future in transhumanism: A semiotic analysis of the concept of the new human]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, 2, 81–84 (in Russian).

Heidegger, M. (2006). *Bytie i vremya* [Being and time]. St. Petersburg: Nauka. (in Russian)

Husserl, E. (1994). *Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni* [Phenomenology of internal time-consciousness] (V. I. Molchanov, Trans., Intro.). In *Sobranie sochineniy* [Collected works] (Vol. 1). Moscow: Gnozis; RIG Logos (in Russian).

Ivanova, A. S. (2017). Eskhatologicheskoe sodержanie obrazov Kalki i Buddy Maitreyi: Komparativnyy analiz [Eschatological content of the images of Kalki and Maitreya Buddha: A comparative analysis]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, 72, 89–102 (in Russian).

Jonas, G. (2004). *Printsip otvetstvennosti. Opyt etiki dlya tekhnologicheskoy tsivilizatsii: Nauka kak personal'nyy opyt* [The imperative of responsibility: In search of an ethics for the technological age]. Moscow: Airis-press (in Russian).

Korenevskii, A. V. (2014). Evolyutsiya “tsivilizatsionnoy paradigmy” v trudakh Shpenglera, Toynbee, Khantingtona: Tezis, antitezis, sintez [The evolution of the “civilizational paradigm” in the works of Spengler, Toynbee, Huntington: Thesis, antithesis, synthesis]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 3(79), 35–44 (in Russian).

Lakoff, G., & Johnson, M. (2004). *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Lysenko, V. G. (2009). Bhavachakrao. In *Indiyskaya filosofiya: Entsiklopediya* [Indian philosophy: Encyclopedia] (pp. 183–184). Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Lysenko, V. G. (2011a). Vasana. In *Filosofiya buddizma: Entsiklopediya* [Philosophy of Buddhism: Encyclopedia] (p. 201–202). Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Lysenko, V. G. (2011b). Vos'merichnyy put' [The eightfold path]. In *Filosofiya buddizma: Entsiklopediya* [Philosophy of Buddhism: Encyclopedia] (pp. 228–229). Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Meadows, D. H., Meadows, D. L., Randers, J., & Behrens, W. (1972). *The limits to growth*. New York: Universe Books.

Meadows, D., Randers, J., & Meadows, D. (2007). *Predely rosta. 30 let spustya* [Limits to growth: The 30-year update]. Moscow: IKTs “Akademkniga” (in Russian).

Mitruev, B. L. (2018). “Yogacharabhūmi-śāstra” kak istoriko-filosofskiy istochnik [“Yogacharabhumi-shastra” as a historical-philosophical source]. *Istoriya filosofii*, 23(2), 32–43 (in Russian).

Ostrovskaya, T. A. (2016). Kontseptsiya “Tekuchey sovremennosti” Z. Baumana i modifikatsiya diskursivnykh praktik elity [Bauman's concept of “Liquid modernity” and the modification of elite discursive practices]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya i iskusstvovedenie*, 4, 89–94 (in Russian).

Pyatunina, A. A. (2021). O kognitivnom potentsiale metafory v nauchnom diskurse [On the cognitive potential of metaphor in scientific discourse]. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie*, 3, 120–129 (in Russian).

Prigogine, I. (2016). *Ot sushchestvuyushchego k voznikayushchemu: Vremya i slozhnost' v fizicheskikh naukakh* [From being to becoming: Time and complexity in the physical sciences]. Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Ricoeur, P., Stanzhevsky, F., & Vdovina, G. (2014). Zhivaya metafora. Vos'moy ocherk. Metafora i filosofskiy diskurs (prodolzhenie) [The living metaphor. Essay eight. Metaphor and philosophical discourse (continuation)]. *HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya*, 3(1), 207–228 (in Russian).

Sabancheev, R. Yu. (2014). Pamyat' kak kulturno-istoricheskiy fenomen v rabotakh Morisa Khalbvaksa [Memory as a cultural-historical phenomenon in the works of Maurice Halbwachs]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2(28), 127–132 (in Russian).

Schwartz, P. (1991). The art of the long view: *Planning for the future in an uncertain world*. New York: Currency Doubleday.

Ulanov, M. S., & Andreeva, A. A. (2025). Buddiyskaya kul'tura i problemy ekologii [Buddhist culture and ecological problems]. *Vek globalizatsii*, 1(53), 129–138 (*in Russian*).

Vajracchedika prajñāpāramitā-sūtra. Almaznaya Sutra [Diamond Sutra]. (1986). (E. A. Torchinov, Trans.). *Psikhologicheskie aspekty buddizma* [Psychological aspects of Buddhism], pp. 34–45. Novosibirsk: Nauka (*in Russian*).

Vorob'ev, V. V. (2021). Temporal'naya struktura soznaniya v buddizme i fenomenologii [The temporal structure of consciousness in Buddhism and phenomenology]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, 3(51), 134–141 (*in Russian*).

Vasubandhu. (2001). *Entsiklopediya Abhidharmy ili Abhidharmakosha. Tom 2. Lokanirdesha i Karmanirdesha* [Encyclopedia of Abhidharma or Abhidharmakosha. Vol. 2. Teaching on the world; Teaching on karma] (E. P. Ostrovskaya & V. I. Rudoi, Trans., Intro., Comm.). Moscow: Lodomir (*in Russian*).